891.7081
Eh8p

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ

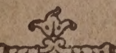
№ 57-58.

ПОЭЗІЯ РЕВОЛЮЦІОННОЙ МОСКВЫ

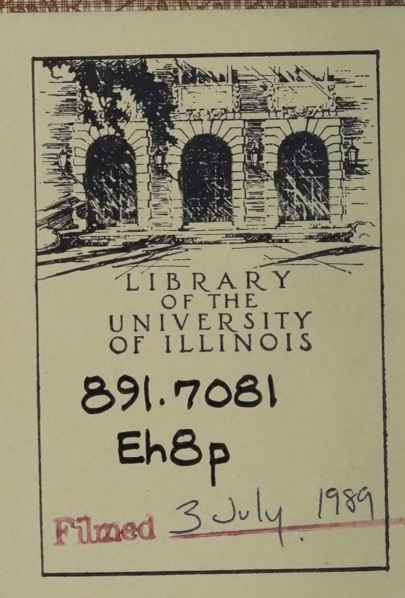
Подъ ред. И. Эренбурга.

БЕРЛИНЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.7081
Eh8p

Filmed 3 July 1989

Return this book on or before the **Latest Date** stamped below.

University of Illinois Library

JUL - 6 1962

MAR 2 [illegible]

AUG 15 1979

JUL 18 1979

JUL 03 1989

JUL 09 1990

КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ.

№ 57-58.

LIBRARY
UNIVERSITY OF ILLINOIS
URBANA

ПОЭЗІЯ РЕВОЛЮЦІОННОЙ МОСКВЫ

Подъ ред. И. Эренбурга.

Издательство „МЫСЛЬ"
БЕРЛИНЪ
1922

Druck von Hempel & Co. G. m. b. H., Berlin SW. 68, Zimmerstr. 7|8.
Наборъ типографіи Г. А. Гольдберга.

891.7081
Eh8p

Настоящій сборникъ не является антологіей, и я далекъ отъ мысли отобразить въ немъ съ должной полнотой и всесторонностью современную русскую поэзію. Я располагалъ нѣкоторыми рукописями, повременными изданіями и книгами, вывезенными мною весной с. г. изъ Россіи. Творчество поэтовъ петербургскихъ, благодаря бѣдности матеріала представлено случайными и скудными образцами (Блокъ, Ахматова, Мандельштамъ, Гумилевъ). Совершенно отсутствуютъ Кузминъ, а также Андрей Бѣлый и Балтрушайтисъ.

Цѣль этой книги показать, что несмотря на трудныя, а подчасъ и трагическія условія, русскіе поэты продолжаютъ свою отвѣтственную работу. Болѣе того—попавъ во Францію, гдѣ что ни день выходитъ новый сборникъ стиховъ, гдѣ поэты болѣе или менѣе сыты, я могъ убѣдиться въ томъ, что Музы рѣшительно предпочитаютъ подвижническія кельи одичавшей Москвы уютнымъ кофейнямъ Монпарнасса. Беспристрастный читатель, который въ поэзіи ищетъ поэзію, а не аргументы для злободневной борьбы долженъ будетъ признать, что русская поэзія переживаетъ теперь полосу подъема. Страшные годы войны и революціи окончательно вылѣчили ее отъ анеміи, эстетизма и отъ непритязательныхъ фокусовъ различныхъ эфемерныхъ школъ.

Никогда голосъ Вячеслава Иванова не звучалъ съ такой убѣдительной ясностью и простотой, какъ въ «Зимнихъ Сонетахъ». Это добровольное обнищаніе, отказъ отъ всего великолѣпія сво-

497786

ихъ одѣяній создали изъ Вячеслава Иванова поэта всечеловѣческаго, которымъ могутъ гордиться наши дни. Творчество цѣлаго ряда поэтовъ иного поколѣнія окрѣпло и съ разительной яркостью выявилось въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Этотъ законный процессъ людямъ, разлученнымъ съ современной поэзіей, показался нѣсколько неожиданнымъ, но отъ этого не потерялъ своей реальности. Недавніе дебютанты: Маяковскій, Есенинъ, Цвѣтаева, Пастернакъ стали мастерами.

Наконецъ пришли совсѣмъ новые, какъ всегда нѣсколько сумбурной и разношерстной толпой. Изъ нихъ уже съ нѣкоторой увѣренностью можно отмѣтить имена Ковалевскаго, Казина и Буданцева.

Читатель легко опознаетъ печать современности почти на всѣхъ произведеніяхъ русскихъ поэтовъ. Это свидѣтельствуетъ не о какомъ либо низкомъ оппортунизмѣ, а исключительно о желаніи осознать и художественно возсоздать нашу эпоху катастрофъ и сдвиговъ. Въ выборѣ стихотвореній, тѣсно связанныхъ съ длящимся понынѣ столкновеніемъ различныхъ міровоспріятій, я проявилъ должное безпристрастіе, представивъ всѣ существующіе оттѣнки отъ Маяковскаго до Цвѣтаевой, поскольку они находились въ предѣлахъ подлинной поэзіи.

Еще быть можетъ одно обстоятельство бросится въ глаза читателю—это нѣкоторое формальное «поправѣніе» современной поэзіи, то-есть приближеніе ея по обороту спирали къ классическимъ образцамъ, реабилитація ямбовъ и рѣшительное преобладаніе архитектурной ясности надъ ассоціативными туманностями. Это направленіе внѣшне какъ бы расходится съ молодой русской живописью или театромъ. Но противорѣчіе это иллюзорное, на самомъ дѣлѣ несуществующее. Поэзія, какъ и другіе виды искусствъ, послѣдніе годы устремляется къ заданіямъ конструктивнымъ, къ строгости формъ,

къ ясности построеній и къ максимальной общности чувствованій. Импрессіонизмъ—въ его анархическихъ, предѣльно индивидуалистическихъ формахъ преодоленъ, и тѣми изъ символистсвъ, которые продолжаютъ жить и двигаться, и футуристами. Можно съ увѣренностью сказать, что, съ точки зрѣнія внѣшнихъ раздѣленій и борьбы различныхъ формъ, русская поэзія впервые послѣ 90-хъ годовъ, то есть эпохи первыхъ аттакъ символизма, представляетъ собой достаточно однородный, сплоченный станъ.

О цѣнности достиженій сможетъ судить всякій по своимъ законамъ. Но надѣюсь все же, что книга эта будетъ нечаянной радостью для многихъ и покажетъ имъ, какъ несправедливы разсужденія о гибели россійской поэзіи. Въ Россіи выходитъ очень мало книгъ. Не только, чтобы напечатать стихи, но порой, чтобъ ихъ написать у поэта не находится четвертушки бумаги. Общія матеріальныя условія жизни достаточно извѣстны. Но великое потрясеніе, которое принесло поэтамъ голодъ и муку, поэзіи дало новый пафосъ (однимъ—отчаянія, другимъ —надежды) и, я вѣрю, что любящій дѣйствительно русскую литературу съ радостью приметъ эту книгу, какъ благую вѣсть о томъ, что живыхъ не надо искать средь мертвыхъ.

Илья Эренбургъ

P. S. Заглавіе настоящаго сборника принадлежитъ не мнѣ, но издательству.

Августъ 1921 г.

Поэзія революціонной Москвы

Адалисъ.

* * *

Дѣла любви несложны и невинны,
Не много тайнъ влюбленный узнаетъ:
Мы измѣряемъ свѣтлыя глубины,
Принявъ любовь за корабельный лотъ.

Пучины дней въ лицо лучами мѣтятъ,
Очамъ темны и солоны устамъ,
И не понять — морскія-ль звѣзды свѣтятъ,
Небесныя-ль трепещутъ по ночамъ!

О, грозный понтъ! Испытанно и зыбко
Твоя зеленая вскипаетъ кровь.
Волнѣ волна — не первая ошибка,
Волна волнѣ — не первая любовь.

Доноситъ вѣтеръ праздные вопросы,
Качаютъ волны древнюю весну, —
И только мы, жестокіе матросы,
Любовью измѣряемъ глубину!

---

* * *

Ахъ, на глаза-ль твои, на губы-ль
Должна я пѣть на новый ладъ,
Когда любовь пошла на убыль,
Повѣявъ тысячью прохладъ.

Неправедное это дѣло, —
Любовь за жизнію пустой,
Какъ мѣдь коринфская звенѣла,
А таетъ будто воскъ простой.

Не стыдно ли глядѣть невинно,
Не стыдно ли уразумѣть,
Что воина и римлянина
Плѣнила восковая мѣдь.

И вотъ за нѣжныя долины
Метнулъ для полуночныхъ золъ
Свой тусклый щитъ, свой щитъ пчелиный
Отчаявшійся дискоболъ.

И вотъ окрестности яснѣе.
Не сожалѣй, не суесловь,
Въ медовомъ холодѣ коснѣя,
Стоитъ ущербная любовь.

1920.

———

Павелъ Антокольскій.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

Тяжело-звонкое скаканье,
По потрясенной мостовой,

Пушкинъ.

Се — Азъ лечу по струнамъ магистралей
Въ россійскій бредъ и колокольный гулъ.
Софія тамъ, царица ли, сестра ли,
За ураганомъ перекрестныхъ дулъ.

Се — въ облакахъ гудятъ мои ботфорты,
Броню Дракона бѣшено топча.
Се — Азъ лечу. За мною войскъ когорты,
Качается набатомъ каланча.

Траншеи, развороченныя шпалы,
Казармы смрадъ, жаръ топокъ паровыхъ, —
Такъ начался походъ машинъ усталыхъ
На хищный разумъ, вышколившій ихъ.

На костыляхъ, всей грудью припадая,
Откинувъ дымъ со лбовъ, крича: назадъ,
Грядетъ за мной голодная орда ихъ.
Окно въ Европу стало срывомъ въ адъ.

Препонъ форты механикъ Императоръ
Расплавлю храпомъ мѣднаго коня.
Изъ тьмы чудовищъ Міровой театръ
Неукрощеннымъ предпочелъ меня.

И я застылъ надъ гадиной злодѣйства,
Простуженъ вѣтромъ ладожскимъ — лечу.
Замѣнитъ мнѣ игла Адмиралтейства
За упокой горящую свѣчу.

НА РОЖДЕНІЕ МЛАДЕНЦА.

Дитя. Понимаешь ты? вотъ онъ, твой міръ, —
златотронная школа:
Кружится за глобусомъ глобусъ. Сражаются
чучела тьмы.

Будь смѣлымъ, будь нищимъ. И жадно сквозь
щель бредового раскола
Разлейся въ глаза первымъ встрѣчнымъ
и мертвымъ заройся въ умы.

Не тьма за окномъ подымалась, не время
за временемъ стлалось,—
Изъ праха растущее тѣльце несли пеленать
въ паруса.

Твоя колыбель—цѣлый городъ и вся міровая
усталость,
Твоя колыбель развалилась, подымемъ тебя
на лѣса,

Рожденный въ годину расплаты, о тѣхъ, кто
платилъ, не печалься, —
Мы все по счетамъ заплатили, недаромъ на
вышку ты взлѣзъ,

Недаромъ отъ Волги до Рейна — подъ легкую
музыку вальса,
Подъ громъ императорскихъ гимновъ, подъ
огненный маршъ марсельезъ,

Студенты, попы, кочегары, шпіоны,
застрѣльщики, вѣстники,
Полки, корпуса Бѣлой Расы, другъ друга
зовутъ изъ-за горъ.

Въ содружествѣ бурь всенародныхъ и въ смерти,
как въ жизни, ровесники;
Недаромъ, недаромъ, недаромъ межъ вами
нѣмой договоръ.

Такъ слушай, смиренно, всѣ правды, вѣщанные
въ томъ договорѣ,
Тебя обступили три вѣка шкафами нечитанныхъ
книгъ.

Ты маленькій ихъ барабанщикъ, вѣкамъ
выбивающій зорю,
То бьетъ въ барабанъ твоей жизни самъ Богъ —
твой громовый Двойникъ.

———

* * *

Чѣмъ хуже этотъ вѣкъ предшествовавшихъ? Развѣ
Тѣмъ, что въ чаду печалей и тревогъ
Онъ къ самой черной прикоснулся язвѣ,
Но исцѣлить ее не могъ.

Еще на западѣ земное солнце свѣтитъ,
И кровли городовъ въ его лучахъ горятъ...
А здѣсь ужъ бѣлая дома крестами мѣтитъ,
И кличетъ вороновъ, и вороны летятъ.

Александръ Блокъ.

Надъ старымъ мракомъ міровымъ
Исполненнымъ враждой и страстью,
Навстрѣчу кликамъ боевымъ
Зарѣетъ небо новой властью.

И скоро сумракъ тучъ прорвутъ
Лучи — зубцы ея короны,
И люди съ битвы потекутъ
Къ ея сверкающему трону.

Ослѣпнемъ въ царственныхъ лучахъ
Мы, знавшіе лишь ночь да бури,
И самый міръ сотрется въ прахъ
Подъ тихимъ ужасомъ лазури.

---

* *
*

Смѣялись бѣдные невѣжды, —
Похитилъ я, младой пѣвецъ,
У безнадежности — надежды,
У безконечности — конецъ.

Мнѣ самому и дикъ и страненъ
Тотъ свѣтъ, который я зажегъ,
Я самъ своей стрѣлою раненъ,
Самъ передъ новымъ изнемогъ.

Идите мимо — погибаю,
Глумитесь надъ моей тоской,
Мой міръ переживетъ, я знаю,
Меня и страшный смѣхъ людской.

---

* * *

Въ тѣ дни, когда душа трепещетъ
Избыткомъ жизненныхъ тревогъ,
Въ какихъ-то дальнихъ сферахъ блещетъ
Мнѣ Твой, Далекая, чертогъ.

И я стремлюсь душой тревожной
Отъ бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно,
Къ твоимъ чертогамъ труденъ путь.

Оттуда свѣтитъ лучъ холодный,
Сіяетъ куполъ золотой —
Доступный лишь душѣ свободной,
Не омраченной суетой.

Ты только ослѣпишь сверканьемъ
Отвыкшій отъ видѣній взглядъ,
И уязвленная страданьемъ
Душа воротится назадъ.

И будетъ жить, и будетъ видѣть
Тебя, сквозящую вдали —
Чтобъ только злѣе ненавидѣть
Пути постылые земли.

Валерій Брюсовъ.

Помню, помню: вечеръ нѣжный;
За окномъ просторъ безмолвный;
Бѣлой яблони цвѣты;
Взоръ твой милый, неизбѣжный;
Миги катятся какъ волны;
Въ цѣломъ мірѣ — я и ты.

Помню, помню! Это было —
Словно въ пропасти глубокой,
Да, пятнадцать лѣтъ назадъ!
Время птицей легкокрылой
Унесло меня далеко —
Въ новый рай и въ новый адъ.

Розы, лавры, олеандры,
Лица съ черными глазами,
Блескъ побѣдъ, паденій стыдъ...
Какъ въ видѣніи Кассандры
Тѣнь стигійская межъ нами
Окровавлена стоитъ.

Нѣтъ къ прошедшему возврата.
Все въ пространствѣ по орбитамъ
Мы должны впередъ скользить,
Стать чужими — вотъ расплата
За блаженство: въ тѣлѣ слитомъ
Сердце съ сердцемъ съединить!

ТРЕТЬЯ ОСЕНЬ.

Вой, вѣтеръ осени третьей,
Просторы Россіи мети,
Пустыя обшаривай клѣти,
Нищихъ вали на пути;

Насмѣхайся горестнымъ плачемъ,
Глядя, какъ голодъ, твой братъ,
То зерно въ подземельяхъ прячетъ
То душитъ грудныхъ ребятъ;

Догоняй поѣзда на уклонахъ,
Гдѣ въ теплушкахъ люди гурьбой
Ругаются, корчатся, стонутъ,
Дрожа на мѣшкахъ съ крупой;

Въ городахъ безфонарныхъ, беззаборныхъ,
Гдѣ пляшетъ нужда въ домахъ,
Покрутись въ безлюдіи черномъ,
Когда то шумномъ, въ огняхъ;

А тамъ, на погнутыхъ фронтахъ,
Куда толпы пришли на убой,
Дымъ разстилай къ горнизонтамъ,
Поднятый пьяной пальбой!

Эй, вѣтеръ съ горячихъ взморій,
Гдѣ спитъ въ олеандрахъ рай,
Развѣвай наше русское горе,
Наши язвы огнемъ опаляй!

Но вслушайся: въ гулѣ орудій,
Подъ проклятья, подъ вопли, подъ громъ,
Не дружно ли, общей грудью,
Мы новые гимны поемъ?

Ты, летящій съ морей къ равнинамъ,
Съ равнинъ къ зазубринамъ горъ,
Иль не видишь; подъ стягомъ единымъ,
Вновь сомкнутъ великій просторъ!

Надъ нашимъ нищенскимъ пиромъ
Свѣтъ небывалый зажженъ,
Торопя надъ встревоженнымъ міромъ
Золотую зарю временъ.

Эй, вѣтеръ, вѣтеръ! повѣдай,
Что въ распряхъ, въ тоскѣ, въ нищетѣ,
Идетъ къ заповѣднымъ побѣдамъ,
Вся Россія, вѣрна мечтѣ,

Что прежняя сила жива въ ней,
Что, уже торжествуя, она
За собой, все властнѣй, все державнѣй.
Земныя ведетъ племена!

CLASSISCHE WALPURGISNACHT.

(Гете. Фаустъ, часть 2).

Ночи, когда надъ городомъ
Дымы лѣсныхъ пожаровъ,
А выше, эллинскимъ морокомъ,
Гекаты проклятыя чары, —

Всѣ углы видѣньями залили,
Закруживъ ихъ дьявольскимъ вальсомъ,
И четко Судьбы сандаліи
Стучатъ по изрытымъ асфальтамъ.

Дыша этой явью отравленной,
Ловя въ ней античные ритмы,
Губами безжалостно сдавливай
Двухъ голубковъ Афродиты;

Лотъ любви, морякъ озадаченный,
Бросай въ тревогѣ безсонныхъ вахтъ!
Иль въ Совѣтской Москвѣ назначена
Classische Walpurgisnacht?

Подползаютъ на брюхѣ сфинксы,
Стимфалиды взмываютъ крыломъ,
Чу! Скачетъ сквозь мракъ лабиринтскій
Мудрый кентавръ, Хиронъ.

Куда? не къ Еленѣ ли?
Лебедемъ въ гриву вплетись,
Нѣги Эгейскія вспѣнивай
Къ Скейскимъ высотамъ мчись!

Городъ иль море?
Троя иль Ресефесеръ?
Мы съ Фаустомъ поспоримъ
Въ перегонкѣ сферъ!

Запрокинулась Большая Медвѣдица,
Глазъ Гекаты мѣтитъ гостей,
А дымъ пожара все стелется,
Заливая нашу постель.

Сергѣй Буданцевъ.

РОССІИ.

Съ Москвы черезъ Рязань на Астрахань ветловая
дорога,
почтовый непроѣзжій трактъ.

Столѣтій неизжитая морока
ненастій выпила обрюзглый страхъ и мракъ.

Истасканъ день.
Морщинистъ лика бытъ,
тысячелѣтій быть морщинистъ у порѣчій.
Забытъ по тракту звонъ копытъ,
породистыхъ кобылъ звонъ рѣзкій и горячій.

Такъ это Ты;
Власть Тьмы
и Ревизоръ.
И кто-то изъ Тебя
(подуетъ какъ на блюдце)
пьетъ твой великій подвигъ и раззоръ
кровавыхъ и угрюмыхъ революцій.

Провидцу снится
какъ будетъ бить и виться
изъ всѣхъ могилъ обличья и обычай.

Вѣдь это Онъ надъ киселемъ провинцій
на небѣ вязнетъ неумершій Городничій.

Обтянута въ преданій плѣсень,
ветловый трактъ забыла и измаяла,
когда здѣсь бушевалъ
глумился
куралесилъ
прахъ бригадира Льва Измайлова.

Неистовъ бригадиръ.
И слухъ о немъ неистовъ.
И рѣжетъ спину на конюшнѣ плеть.

Неужто такъ отъ свиста и до свиста
Рожать мученія и счастіемъ болѣть?

Рожай!
Болѣй!
Я вижу самъ въ ненастьяхъ,
что нынче день, какъ вѣчный арестантъ.
Когда жъ глаза не будетъ злобой застить
могилъ и призраковъ непобѣжденный станъ?

Май 1919 г.

ДЕНЬ.

(Изъ поэмы «Родина и Современникъ»).

Ради дня раскрытаго in follio
И небесныхъ вольныхъ мастеровъ
Я живу, пишу. Не оттого ли
И дрожитъ въ рукѣ перо?
Заструилась ранняя дорога,
Льнетъ шоссе къ полыни за тоской.
Каждый вечеръ, — будто думалъ Гоголь
Разселить Диканьку по Тверской.
И глаза мои роятся, словно
Богъ расцвѣлъ въ Коломенскомъ быту.
Здравствуй снова, сновъ зеленыхъ ловля,
И сѣтями испытуй.
Испытуй меня заводами, горстями
Алыхъ брызгъ — возстаньями, войной,
Пусть столѣтье пологомъ растянетъ
Эту волю надо мной.

Михаилъ Герасимовъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «ОКТЯБРЬ».

1.

Октябрь постучалъ въ околицу,
На крыльяхъ принесъ весну,
А рига склоненная молится,
Не видитъ — огонь блеснулъ.
Схватилъ за нечесаны волосы,
Мотнулась ея голова,
И крикнулъ онъ зычнымъ голосомъ:
Соломенная вставай!
Довольно къ поповымъ подмосткамъ!
Весна въ октябрѣ расцвѣла...
И голосъ властный и четкій
Звенитъ по соломѣ села.
Довольно биться кликушей
О барское крыльцо.
Плеснуло солнце въ души
И слезное лицо.
Рыданья подъ сугробами
Цвѣтами проросли.
И зерна звѣздъ мы торбами
Разсѣемъ въ новь земли.
Мы огненными косами
Надрѣжемъ снѣжный дымъ,
Чтобъ простали розами
Мужицкіе слѣды.
За ясными полями
И красно и свѣжо.
А липы новыми лаптями
Поскрипываютъ о снѣжокъ.

2.

Заснѣжилъ жижу въ лужахъ,
Засеребрилъ кирпичъ,
Звени, октябрь, и, стужа,
Ничтожныхъ возвеличь!
Онъ грудью груди встрѣтилъ
Сугробы обагря,
Но вѣетъ вешній вѣтеръ
На крыльяхъ октября.
Нежданными цвѣтами
Скупой металлъ проросъ,
Надъ сталью и станками
Цвѣтутъ букеты розъ.
Покрылъ руды, желѣза
Корявое лицо,
И ржавые нарѣзы
Цвѣточною пыльцой.
Знаменъ мы рощи строимъ,
Гдѣ солнцемъ всѣ пьяны.
Какой Олимпійской игрою
Въ восторгѣ души зажжены.

——————

Эммануилъ Германъ.

ИЗЪ «СТИХОВЪ О МОСКВѢ».

1.

Въ переулкахъ тѣсныхъ — гулъ нагрузки.
Надъ крыльцомъ—кустарный голубокъ.
Теремокъ! Аляповатый русскій
Размалеванный лубокъ.
Пестрота отъ этихъ самыхъ Азій,
Грязь отъ сна, въ которомъ Русь спала.
Надъ просторомъ бѣдности и грязи —
Золотые купола.

2.

. . . И кумушки клялись со всѣхъ сторонъ,
Что трудно жить, что лучше-бъ — по
старинкѣ.
О вѣтеръ бунта! Опрокинувъ тронъ,
На ближнемъ рынкѣ расплескалъ ты кринки.
И лавочникъ свободу презиралъ.
И видѣли Кремлевскія ворота,
Какъ Иверской лукавый генералъ
Молился за успѣхъ переворота.

———

Н. Гумилевъ.

ЗАБЛУДИВШІИСЯ ТРАМВАЙ.

Шелъ я по улицѣ незнакомой
И вдругъ услышалъ вороній грай —
И звоны лютни, и дальніе громы,
Передо мной летѣлъ трамвай.

Какъ я вскочилъ на его подножку
Было загадкою для меня.
Въ воздухѣ огненную дорожку
Онъ оставлялъ и при свѣтѣ дня.

Мчался онъ бурею, темной, крылатой,
Онъ заблудился въ безднѣ временъ...
Остановите, вагоновважатый,
Остановите сейчасъ вагонъ!

Поздно! Ужъ мы обогнули стѣну,
Мы проскочили сквозь рощу пальмъ,
Черезъ Неву, черезъ Нилъ и Сену
Мы прогремѣли по тремъ мостамъ.

И промелькнувъ у оконной рамы,
Бросилъ намъ вслѣдъ пытливый взглядъ
Нищій старикъ, конечно, тотъ самый
Что умеръ въ Бейрутѣ годъ назадъ.

Гдѣ я? Такъ томно и такъ тревожно
Сердце мое стучитъ въ отвѣтъ:
Видишь вокзалъ, на которомъ можно
Въ Индію Духа купить билетъ?

Вывѣска... кровью налитыя буквы
Гласятъ — «Зеленая», — знаю, тутъ
Вмѣсто капусты и вмѣсто брюквы
Мертвыя головы продаютъ.

Въ красной рубашкѣ, съ лицомъ какъ вымя
Голову срѣзалъ палачъ и мнѣ.
Она лежала вмѣстѣ съ другими
Здѣсь въ ящикѣ скользкомъ, на самомъ днѣ.

А въ переулкѣ заборъ дощатый,
Домъ въ три окна, и сѣрый газонъ...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчасъ вагонъ!

Машенька, ты здѣсь жила и пѣла,
Мнѣ, жениху, коверъ ткала.
Гдѣ-же теперь твой голосъ и тѣло,
Можетъ-ли быть, что ты умерла?

Понялъ теперь я — наша свобода
Только оттуда бьющій свѣтъ.
Люди и тѣни стоятъ у входа
Въ зоологическій садъ планетъ.

И сразу вѣтеръ знакомый и сладкій,
И за мостомъ летитъ на меня
Всадника длань въ желѣзной перчаткѣ
И два копыта его коня.

Вѣрной твердынею православья
Врѣзанъ Исаакій въ вышинѣ.
Тамъ отслужу молебенъ о здравьи
Машеньки и панихиду по мнѣ.

Но все жъ навѣки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думалъ
Что можно такъ любить и грустить.

Петербургъ 1921.

Софья Дубнова.

ИЗЪ КНИГИ «МАТЬ».

Лишь жестокій безгнѣвенъ нынѣ —
Слишкомъ много въ мірѣ скорбей;
Сынъ, суровой служи святынѣ;
Если нужно — убей.
Свѣтелъ мести кличъ непреложный,
Но напраснымъ убійцей не будь:
Вспомни, какъ ты сосалъ безтревожно
Материнскую теплую грудь.

1918

Сергѣй Есенинъ.

ИЗЪ КНИГИ «ИСПОВѢДЬ ХУЛИГАНА».

Дождикъ мокрыми метлами чиститъ
Ивняковый пометъ по лугамъ,
Плюйся, вѣтеръ, охапками листьевъ,
Я такой же, какъ ты, хулиганъ,
Я люблю когда синія чащи,
Какъ съ тяжелой походкой волы,
Животами листвой хрипящими
По колѣнкамъ мараютъ стволы.
Вотъ оно мое стадо рыжее!
Кто жъ воспѣть его лучше могъ!
Вижу, вижу, какъ сумерки лижутъ
Слѣды человѣчьихъ ногъ.
Русь моя, деревянная Русь!
Я одинъ твой пѣвецъ и глашатай,
Звѣриныхъ стиховъ моихъ грусть
Я кормилъ резедой и мятой.
Взбрезжи полночь луны — кувшинъ
Зачерпнуть молока березъ.
Словно — хочетъ кого придушить
Руками крестовъ погостъ!
Бродитъ черная жуть по холмамъ,
Злобу вора струитъ въ нашъ садъ,
Только самъ я разбойникъ и хамъ
И по крови степной конокрадъ.
Кто видалъ какъ въ ночи кипитъ
Кипяченыхъ черемухъ рать?
Мнѣ бы въ ночь въ голубой степи
Гдѣ нибудь съ кистенемъ стоять.

Ахъ, увялъ головы моей кустъ,
Засосалъ меня пѣсенный плѣнъ.
Осужденъ я на каторгѣ чувсгвъ
Вертѣть жернова поэмъ.
Но не бойся, безумный вѣтръ,
Плюй спокойно листвой по лугамъ,
Не сотретъ меня кличка «поэтъ»
Я и въ пѣсняхъ, какъ ты хулиганъ.

ИЗЪ «СОРОКОУСТА».

1.

Видѣли ли вы,
Какъ бѣжитъ по степямъ,
Въ туманахъ озерныхъ кроясь,
Желѣзной ноздрей храпя,
На лапахъ чугунный поѣздъ?
А за нимъ
По большой травѣ,
Какъ на праздникѣ отчаянныхъ гонокъ,
Тонкія ноги закидывая къ головѣ,
Скачетъ красногривый жеребенокъ?...
Милый, милый, смѣшной дуралей,
Ну куда онъ, куда онъ гонится?
Неужель онъ не знаетъ, что живыхъ коней
Побѣдила стальная конница?
Неужель онъ не знаетъ, что въ поляхъ
безсіянныхъ
Той поры не вернетъ его бѣгъ,
Когда пару красивыхъ степныхъ
россіянокъ
Отдавалъ за коня печенѣгъ?
Поиному судьба на торгахъ перекрасила
Нашъ разбуженный скрежетомъ плесъ —
И за тысчи пудовъ конской кожи и мяса
Покупаютъ теперь паровозъ.

2.

Чертъ бы взялъ тебя скверный гость!
Наша пѣсня съ тобой не сживется.
Жаль, что въ дѣтствѣ тебя не пришлось
Утопить, какъ ведро въ колодцѣ.
Хорошо имъ стоять и смотрѣть,
Красить рты въ жестяныхъ поцѣлуяхъ.
Только мнѣ, какъ псаломщику пѣть
Надъ родимой страной Аллилуйя.
Оттого то въ сентябрьскую склень
На сухой и холодный суглинокъ,
Головой размозжась о плетень,
Облилась кровью ягодъ рябина.
Оттого то вросла тужиль
Въ переборы тальянки звонкой
И соломой пропахшій мужикъ
Захлебнулся лихой самогонкой.

Августъ 1920.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ИСПОВѢДИ ХУЛИГАНА».

. . . .
Бѣдные, бѣдные крестьяне,
Вы навѣрно стали некрасивыми,
Также боитесь Бога и болотныхъ нѣдръ.
О, если бъ вы понимали
Что сынъ вашъ въ Россіи
Самый лучшій поэтъ!

Вы ль за жизнь его сердцемъ не индивѣли,
Когда босыя ноги онъ въ лужахъ осеннихъ мокалъ?
А теперь онъ ходитъ въ цилиндрѣ
И лакированныхъ башмакахъ!

Но живетъ въ немъ задоръ прежней вправки
Деревенскаго озорника.
Каждой коровѣ съ вывѣски мясной лавки
Онъ кланяется издалека.
А встрѣчаясь съ извозчикомъ на площади,
Вспоминая запахъ навоза съ родныхъ полей,
Онъ готовъ нести хвостъ каждой лошади
Какъ вѣнчальнаго платья шлейфъ.
. . . .

Ноябрь 1920.

ИЗЪ КНИГИ «ТРЕРЯДНИЦА».

1.

Маріенгофу.

Я послѣдній поэтъ деревни,
Скроменъ въ пѣсняхъ досчатый мостъ.
За прощальной стою обѣдней
Кадящихъ листвой березъ.
Догоритъ золотистымъ пламенемъ
Изъ тѣлеснаго воска свѣча,
И луны часы деревянные
Прохрипятъ мой двѣнадцатый часъ.
На тропу голубого поля
Скоро выйдетъ желѣзный гость.
Злакъ овсяный, зарею пролитый,
Соберетъ его черная горсть.
Не живыя, чужія ладони,
Этимъ пѣснямъ при васъ не жить.
Только будутъ колосья — кони
О хозяинѣ старомъ тужить.
Будетъ вѣтеръ сосать ихъ ржанье,
Панихидный справляя плясъ.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипятъ мой двѣнадцатый часъ.

2.

Я покинулъ родимый домъ,
Голубую оставилъ Русь.
Въ три звѣзды березнякъ надъ прудомъ
Теплитъ матери старой грусть,
Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой водѣ.
Словно яблочный цвѣтъ, сѣдина
У отца пролилась въ бородѣ.
Я не скоро, не скоро вернусь
Долго пѣть и звенѣть пургѣ.
Стережетъ голубую Русь
Старый кленъ на одной ногѣ.
И я знаю, есть радость въ немъ,
Тѣмъ, кто листьевъ цѣлуетъ дождь.
Оттого, что тотъ старый кленъ
Головой на меня похожъ.

ПѢСНЬ О СОБАКѢ.

Утромъ въ ржаномъ закутѣ,
Гдѣ златятся рогожи въ рядъ,
Семерыхъ ощенила сука,
Рыжихъ семерыхъ щенятъ.
До вечера она ихъ ласкала,
Причесывая языкомъ,
И струился снѣжокъ подталый
Подъ теплымъ ея животомъ.
А вечеромъ, когда куры,
Обсиживаютъ шестокъ,
Вышелъ хозяинъ хмурый,
Семерыхъ всѣхъ поклалъ въ мѣшокъ.
По сугробамъ она бѣжала,
Поспѣвая за нимъ бѣжать,
И такъ долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.
А когда чуть плелась обратно,
Слизывая потъ съ боковъ,
Показался ей мѣсяцъ надъ хатой
Однимъ изъ ея щенковъ.
Въ синюю высь звонко
Глядѣла она скуля,
А мѣсяцъ скользилъ тонкій,
И скрылся за холмъ въ поляхъ.
И глухо, какъ отъ подачки,
Когда бросятъ ей камень въ смѣхъ,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звѣздами въ снѣгъ.

КЛЮЕВУ.

Теперь любовь моя не та.
Ахъ, знаю я, ты тужишь, тужишь,
О томъ, что лунная метла
Стиховъ не расплескала лужи.
Грустя и радуясь звѣздѣ,
Тебѣ спадающей на брови,
Ты сердце выпѣснилъ избѣ,
Но въ сердцѣ дома не построилъ.
И тотъ, кого ты ждалъ въ ночи,
Прошелъ, какъ прежде, мимо крова.
О, другъ, кому жъ твои ключи
Ты золотилъ поющимъ словомъ?
Тебѣ о солнцѣ не пропѣть,
Въ окошко не увидѣть рая.
Такъ мельница, крыломъ махая,
Съ земли не можетъ улетѣть.

ИЗЪ ПОЭМЫ «КОБЫЛЬИ КОРАБЛИ».

Буду пѣть, буду пѣть, буду пѣть!
Не обижу ни козы, ни зайца.
Если можно о чемъ скорбѣть,
Значитъ можно чему улыбаться.
Всѣ мы яблоко радости носимъ,
И разбойный намъ близокъ свистъ.
Срѣжетъ мудрый садовникъ — осень,
Головы моей желтый листъ.
Въ садъ зари лишь одна стезя,
Сгложетъ рощи октябрьскій вѣтръ.
Все познать, ничего не взять
Пришелъ въ этотъ міръ поэтъ.
Онъ пришелъ цѣловать коровъ,
Слушать сердцемъ овсяный хрустъ
Глубже, глубже, серпы стиховъ!
Сыпь черемухой, солнце кустъ!

ГИМНЫ ЭРОСУ.

Отъ кликовъ ночью лунной
Оленьяго самца
До арфы тихострунной
Унылаго пѣвца,
Заклятіемъ кольца
Изъ-подъ плиты чугунной
На краткое мгновенье
Зовущее видѣнье
Невѣстина лица, —

Отъ соловьиныхъ чаръ
Надъ розой Суристана
И голубиныхъ паръ
Гурлящихъ у фонтана,
И вздоховъ океана
До скрипокъ и фанфаръ,
Замкнувшихъ стонъ міровъ
Въ одинъ предсмертный зовъ
Изольды и Тристана, —

Томленья всѣхъ скитальцевъ
По цѣли всѣхъ дорогъ,
Ты, Эросъ, другъ страдальцевъ,
Палачъ и мистагогъ,
Голодныхъ алчный богъ,
Пчелиной зыбью пальцевъ
У струй, звенящихъ въ зноѣ,
Сливаешь въ гимнъ, живое
Манящій за порогъ!

Тобой пронзенный, вникъ
Я въ звонъ златого лука, —
И понялъ ученикъ,
Что золото — разлука,
Что Смерть — Любви порука,
Что Смерть — Любви двойникъ;
Что для души земной
Онѣ — судьбы одной
Два имени, два звука.

---

* * *

Тебѣ хвала, въ чьихъ львиныхъ лапахъ
Я ланью былъ, сердецъ Молохъ!
Богъ — тѣнь, богъ — тать, богъ — взоръ,
богъ — запахъ,
Зовъ неотступный, смутный вздохъ!

Богъ—нѣжный вихрь... и безнадежность!
Богъ — преступленье... и вѣнецъ!
Богъ—волнъ пылающихъ безбрежность!
Богъ—смертный ужасъ! Богъ—конецъ!

И за концомъ—заря начала!
За смертью—побѣдившій смерть!..
Златая вѣтвь плоды качала:
Ты руку мнѣ велѣлъ простерть!

Ты далъ мнѣ пѣсенную силу,
Ты далъ мнѣ грозы вешнихъ чаръ,
Ты далъ мнѣ милую могилу,
Ты далъ мнѣ замогильный даръ.

Ты растопилъ мои металлы,
И промѣнялъ я свой алмазъ
На слезъ прозрачные кристаллы
И на два солнца дальнихъ глазъ.

ЗИМНІЕ СОНЕТЫ.

I.

Скользятъ полозья. Свѣтелъ мертвый снѣгъ.
Волшебно лѣсъ торжественный заснѣженъ.
Лебяжьимъ пухомъ сводъ небесъ омреженъ.
Быстрей оленя тучъ подлунный бѣгъ.

Чу, колоколъ поетъ про дальній брегъ;
А сонъ полей безвѣстенъ и безбреженъ.
Неслѣженъ путь и жребій неизбѣженъ.
Святая ночь, гдѣ мнѣ сулитъ ночлегъ?

И вижу я, какъ бы въ кристаллѣ дымномъ,
Мою семью въ дому страннопріимномъ,
Въ медвяномъ свѣтѣ праздничныхъ огней.

И сердце тайной близостью томимо,
Ждетъ искорки средь бора; но саней
Прямой полетъ стремится мимо, мимо.

———

II.

Незримый вождь глухихъ моихъ дорогъ!
Я подолгу тобою испытуемъ,
Въ чистилищахъ глубокихъ, чей порогъ
Мы въ этотъ кругъ рожденьемъ именуемъ.

И гордости гасимой вотъ итогъ:
Я съ душами въ узилищахъ связуемъ,
Доколь со всѣмъ, чего любить не могъ,
Не помирюсь прощеннымъ поцѣлуемъ.

Такъ я бѣжалъ суровыя зимы:
Полуденныхъ лобзаній, сладострастникъ,
Я праздновалъ съ природой вѣчный праздникъ.

Но кладбище сугробовъ, облакъ тьмы
И реквіемъ метели ледовитой,
Со мной сроднилъ наставникъ мой сердитый.

— — -

III.

Зима души... Косымъ издалека
Ее лучомъ живое солнце грѣетъ;
Она жъ, въ нѣмыхъ сугробахъ цѣпенѣетъ,
И ей поетъ метелицей тоска.

Охапку дровъ сваливъ у камелька,
Вари пшено, — и часъ тебѣ довлѣетъ.
Потомъ усни, какъ все дремой коснѣетъ...
Ахъ, вѣчности могила глубока!

Оледенѣлъ ключъ влаги животворной,
Застылъ родникъ текучаго огня...
О, не ищи подъ саваномъ — меня!

Свой гробъ влачитъ двойникъ мой, рабъ
покорный,
Я-жъ истинный, плотскому измѣня,
Творю вдали свой храмъ нерукотворный.

—

IV.

Преполовилась темная зима,
Солнцеворотъ, что женщины раденьемъ
На высотахъ встрѣчали долгимъ бденьемъ
Я праздную; бѣжитъ очей дрема.

Въ лѣсъ лавровый холодная тюрьма
Преобразилась Музы нисхожденьемъ,
Онъ зыблется межъ явью и видѣньемъ,
И въ немъ стоитъ небесная сама.

«Невѣрный!» — слышу амбросійный шопотъ,
«Слагался въ пѣснь твой малодушный ропотъ?
Ты остовомъ вѣтвистымъ шелестѣлъ.

Съ останками листвы сухой и бурой,
Какъ дубъ подъ снѣгомъ, вѣтръ въ кустахъ
свистѣлъ
А я въ звѣздахъ звала твой взглядъ понурый».

V.

Рыскучій волхвъ, воръ лютый, сѣрый волкъ!
Тебѣ во славу стихъ слагаю зимній.
Голодный слышу вой, Гостепріимнѣй
Ко мнѣ земля, людской добрѣе толкъ.

Ты жъ ненавидимъ. Знаетъ рабій долгъ,
Хозяйскій песъ. Волшебнѣй и взаимнѣй
Съ наперстникомъ глубокихъ полигимній
Ты связанъ, если вѣщій гласъ не смолкъ.

Близъ мѣстъ, гдѣ челнъ души съ безвѣстныхъ
взморій.
Причалилъ и землѣ рожденъ я былъ
Стоитъ на стражѣ волчій вождь, Егорій.

Протяжно тамъ твой волкъ, шаманя, вылъ,
И съ дѣтства мнѣ понятенъ вопль унылый.
Бездомнаго огня въ степи застылой.

VI.

Ночь новолунья. А морозъ лютѣй
Медвѣдицы, пѣвцу надеждъ отвѣтилъ,
Что стужъ ущербъ онъ съ музой рано
встрѣтилъ,
Безпечныхъ легковѣрнѣе дѣтей.

Не сиротѣетъ вѣра безъ вѣстей
Немолчнымъ духъ обѣтованьемъ свѣтелъ, —
И въ часъ глухой, чу, возлагаетъ пѣтель
Весну всѣхъ весенъ краше и святѣй.

Звукъ оный, труубный, тотъ, что отворяетъ
Послѣдніе затворы зимнихъ вратъ,
Твой хриплый гимнъ, вождь утра, предваряетъ.

И полночь, пережившее утратъ
Біеньемъ тайнымъ сердце ускоряетъ
Любимыхъ на лицо земли возвратъ.

VII.

Худую кровлю треплетъ вѣтръ, и гулокъ
Желѣза лязгъ и стонъ изъ полутьмы.
Пустырь окрестъ подъ пеленой зимы,
И кладбище сугробовъ — переулокъ.

Часъ неурочный полночь для прогулокъ
По городу, гдѣ, мнится, духъ чумы,
Прошелъ и жизнь глухой своей тюрьмы
Въ потайный схоронилась закоулокъ.

До хижины я ноги доволокъ,
Сквозь утлыя чьи стѣны дуетъ вьюга,
Но гдѣ укрытъ отъ стужи уголокъ.

Тепло въ чертѣ магическаго круга;
На очагѣ клокочетъ котелокъ,
И свѣтитъ Агни, какъ улыбка друга.

VIII.

Какъ мѣсячно и бѣло на дорогахъ,
Что смертной тѣнью мѣритъ мой двойникъ,
Межъ тѣмъ, какъ самъ я, тайный ученикъ,
Дивясь, брожу въ Изидиныхъ чертогахъ!

И мнится: здѣшній, я лежу на дрогахъ,
Уставя къ небу мертвый, острый ликъ,
И черныхъ коней водитъ проводникъ,
Пустынныхъ горъ въ заснѣженныхъ отрогахъ.

И движась рядомъ поѣздъ тѣневой
По бѣлизнѣ проходитъ снѣговой,
Не вычерченъ изъ мрака лишь вожатый, —

Какъ будто сквозь него струясь, луна
Лучи слила съ зарею розоватой —
И правитъ путь пресвѣтлая жена.

IX

Твое именованіе — Сиротство,
Зима, зима! Твой скорбный строй — унылость.
Удѣлъ — боговъ глухонѣмыхъ немилость.
Твой ликъ — съ устами сжатыми вдовство.

Тамъ въ вышнихъ ночи — славы торжество,
Превыспреннихъ, безплотныхъ легкокрылость;
Безвѣстье тутъ, безпамятство, застылость;
А въ нѣдрахъ — солнца, солнца рождество!

Межъ пальцевъ алавастровыхъ лампада
Психеи зябкой теплится едва.
Алмазами играетъ синева.

Грозя виситъ хрустальная громада.
Подъ кровъ спасайся, гдѣ трещатъ дрова,
Жизнь темная, отъ звѣздныхъ копій хлада.

X.

Бездомныхъ, Боже, пріюти! Нора
Потребна земнороднымъ, и берлога
Глубокая. Въ тепло глухого лога
И звѣря гонитъ зимняя пора.

Не гордыхъ силъ свободная игра, —
За огонекъ востепленный тревога
Въ себѣ и въ миломъ ближнемъ, — столь убога
Жизнь и любовь!.. Но все душа бодра.

Согрѣто тѣло пламенемъ крылатымъ,
Руномъ одѣто мягкимъ и мохнатымъ,
Въ звѣриномъ ликѣ веселъ человѣкъ:

Скользитъ на лыжахъ, правитъ бѣгъ оленій...
Кто высѣкъ искру, тотъ себя разсѣкъ,
На плоть и духъ — два міра вожделѣній.

XI.

Далече ухнетъ въ полѣ вѣтръ ночной,
И теплымъ вихремъ, буйный, налетаетъ:
Не съ острововъ ли гость, гдѣ обитаетъ
На западъ солнца взятыхъ сонмъ родной?

Довременной бушуетъ онъ весной;
Отрогъ зимы въ его дыханьи таетъ, —
И сторожкимъ копытомъ конь пытаетъ
На топкой переправѣ ледъ рѣчной.

Февральскія плывутъ въ созвѣздьяхъ Рыбы,
Могильныя лучомъ шевелятъ глыбы,
Волнуютъ притяженьемъ область душъ.

Законъ ихъ своенравенъ, свычай шалый:
Вчера все стыло въ злобѣ лютыхъ стужъ;
Синѣетъ въ пятнахъ долъ на утро талый.

XII.

То явь иль сонъ предутреннiй, когда
Свѣжеетъ воздухъ, остужая ложе,
Ознобъ крылатый крадется по кожѣ
И строитъ сновидѣнье царство льда?

Обманчива явленiй череда:
Гдѣ морокъ? Гдѣ существенность, о Боже?
И жизнь и греза — не одно-ль и то же?
Ты бытiе; но нѣтъ къ тебѣ слѣда.

Любовь не призракъ лживый: вѣрю, чаю!
Но и въ мечтаньи сонномъ я люблю, —
Дрожу за милыхъ; стражду; жду, встрѣчаю...

Въ ночь зимнюю пасхальный звонъ ловлю...
Стучусь въ гроба и мертвыхъ тороплю, —
Пока себя въ гробу не примѣчаю.

1920 г.

Рюрикъ Ивневъ.

ИЗЪ КНИГИ «СОЛНЦЕ ВЪ ГРОБѢ».

1.

Сквозь мутныя стекла вагона
На мутную Русь гляжу.
И плещется тѣнь Гапона
Въ мозгу, какъ распластанный жукъ,
Распутинъ, убитый князьями,
Въ саванѣ невскаго льда,
Считаетъ въ замерзшей ямѣ
Свои золотые года.
Кому оцѣнить эти муки?
Онъ жметъ мнѣ подъ черной водой
Живыя холодныя руки
Горячею, мертвой рукой.
И третій слѣпой, безымянный,
Желавшій надъ міромъ царить,
Сквозь окна, зарею румяной,
Меня начинаетъ томить.
И жжетъ меня Зимней Канавкой,
И гулкимъ Дворцовымъ мостомъ,
Послѣднею, страшной ставкой;
Языческимъ, дикимъ крестомъ.
Сквозь мутныя стекла вагона
На мутную Русь гляжу;
И въ сердцѣ моемъ обнаженномъ
Всю русскую муть нахожу.

Москва, Зима 1918.

———

2.

Въ моей душѣ не громоздятся горы,
Но въ тишинѣ ея равнинъ
Неистовства безумной Ѳеодоры
И чернота чумныхъ годинъ.
Она сильна, какъ радуги крутыя
На деревѣ кладбищенскихъ крестовъ.
Она страшна, какъ темная Россія,
Россія изувѣровъ и хлыстовъ.
Зачѣмъ же я въ своей тоскѣ двуликой
Любуясь на ея красу?
Зачѣмъ же я съ такой любовью дикой,
Такъ бережно ее несу?

Москва, Январь 1919.

3.

На золотѣ снѣга
Черный уголь злобы моей
Чертитъ съ разбѣга
Косу для убійства людей.
И пряныя, пышныя кости
Какъ гроздья гигантскихъ шаговъ,
Кадятъ расцвѣтающей злости
Кадильницей нашихъ головъ.
И Ты, бушевавшій когда-то,
Распятый за злобу людей,
На бѣлыя руки Пилата
Глядишь тишиною ночей.
На золотѣ снѣга
Черный уголь злобы моей
Чертитъ съ разбѣга
Косу для убійства людей.

Москва, Зима 1918.

ИЗЪ КНИГИ «ПЛАМЯ ЯЗВЪ»

1.

Всадники, всадники — мчитесь, мчитесь!
Я не брошусь подъ копыта вашихъ лошадей.
Не вражескихъ пуль и не стрѣлъ берегитесь,
Берегитесь потупленныхъ моихъ очей.
Моя бы сила, моя бы воля,
И, можетъ быть, злого духа страшнѣй,
Я разметалъ бы ваши кости въ полѣ,
Съ костьми вашихъ вѣрныхъ коней.
Всадники, всадники, — мчитесь, мчитесь!
Сегодня — вѣтеръ. Завтра — покой.
Небо—пышная дама, а смерть ея витязь,
Вмѣсто шпаги съ чахлой клюкой.
Моя бы сила, моя бы воля,
И, можетъ быть, я сжегъ бы себя:
Собой освѣтилъ вамъ путь черезъ поле
Въ неслыханные края.

СПБ. Февраль 1917.

2.

Я не забуду этихъ дней неволи,
Страшнѣе каторги, юродства и любви.
Чумныя раны пересыплю солью, —
Пусть будетъ соль хрустящая въ крови.
Отъ дикой боли сжавшись какъ улитка,
Въ желѣзныхъ судорогахъ корчась до утра,
Я распиналъ себя на каждой ниткѣ
Узорнаго шершаваго ковра.
Никто не крикнулъ мнѣ—воскресни, Лазарь,
И Бога ненавидя и любя,
Какъ прокаженный отъ своей проказы,
Я убѣгалъ отъ самого себя.
Но бѣгства нѣтъ. Есть только призракъ бѣга.
И я верчусь, какъ бѣлка въ колесѣ.
И смерть со мной — бѣлѣй луны и снѣга,
Хмельна, тучна — во всей своей красѣ.

Москва 1921.

———

3.

Пусть кожа содрана и кости перебиты.
— Ничто не ново подъ луной.
Три гроба, точно три митрополита,
Въ тяжеломъ золотѣ стоятъ передо мной.
Три сердца, захлебнувшіяся въ дружбѣ.
Четвертое распяли на крестѣ.
О, други, вотъ мое оружіе,
Кровавый стихъ на скомканномъ листѣ.
Вы вспомните тѣ дни, когда глухіе
Къ любви моей, вы мучали меня,
Когда вы гнали табуны степные
По бѣлой кожѣ Ивневскаго дня.
Вы часто руки мнѣ сжимали,
Но чаще плетью рта въ тиши
До самой кости обнажали
Крылатый горбъ моей души...
Но тайны духа не измѣрить,
Кричу кликушей, горло надорвавъ:
Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ,
Смертію Смерть поправъ.

Москва 1921.

Вѣра Ильина.

Хлестать вѣтровыми плетями
Въ проселкахъ затерянный май.
Любить только часъ, за плетнями,
А жизнь кое-какъ дохромать.
Въ дырявой лачугѣ на ужинъ
Ломоть посоленый сжевать,
Околицу дряхлую стужей
Крутить и рядить въ кружева.
Въ затянутомъ гарью полѣсьи,
Надъ ржавчиной тусклыхъ трясинъ
Томить маятой и болестью
Скелеты дрожащихъ осинъ.
По глинистымъ ребрамъ и кручамъ
Поволжскую удаль крошить,
Швыряя, какъ карту, какъ случай,
Степей ковылевую ширь.
Смѣшная и горькая участь —
Родиться въ нелѣпомъ краю,
И весенъ не мыслить безъ тучи,
И счастья — безъ черствыхъ краюхъ.

Москва, Дек. 1920.

* * *

Ты ль у отчизны пасынокъ?
Чтожъ вытянулъ у ногъ
Черезъ луга и насыпи
Тугую сѣть дорогъ?
Вездѣ — кочевье вольное.
Палатка — Млечный путь.
Ахъ, подставлять не больно ли
Всѣмъ встрѣчнымъ вѣтрамъ грудь?
— Пусть Амазонка сдавлена
Въ кольцѣ ліанъ и травъ,
Ей сонъ изъ синихъ тавлинокъ
Курится до утра.
— Пусть зябкою гагарою
Глядитъ полярный кругъ,
Тамъ звѣзды Ніагарою
Взрываютъ льдистый кубъ.
— Пусть сердце болью ранено,
Тоской родной земли,
Летятъ же за туманами
Въ безвѣстность журавли. —
Лети, крылатый первенецъ,
Свободныхъ, пѣвчихъ стай!
Лишь родину вечернюю
Любить не перестань.

Москва, Апрѣль 1920.

Василій Казинъ.

* *
*

Охъ, праздникъ, и какой пустой!
Какую скуку сучитъ, сучитъ!
А тутъ и тучи
Окошки тушатъ темнотой.

Умолкнулъ молоточный громъ,
Черствѣетъ, тяготится кожа,
Сутулится старикомъ,
О молоткѣ тоскуя тоже.

Чу! Стуки въ тучахъ. Жаркій взмахъ, —
И ослѣпительное шило
Вонзила
Молнія въ потьмахъ.

И радостно, безъ заминки,
Загрохотали мастера:
Ахъ, вотъ, ахъ, вотъ, она пора,
Отрадной грозовой починки!

Со свѣжей дратвой дождевой
Пронзительно носилось шило,
Быстрый, брызжущій, живой,
Звончатый огонь крошило.

А я въ окошко взоромъ вросъ,
Стучу и сердцемъ и висками,
И темь, и блескъ, и прядь волосъ
Точаю впопыхахъ руками.

Отгрохотали. Высота
Лучится. Свѣжестью волнуемъ,
Выскакиваю за ворота
И хлюпаю, пою по струямъ.

И улицей любуюсь я:
Асфальтамъ весело, и чаще,
Яснѣй блестятъ изъ-подъ ручья
Ихъ лаковыя голенища.

Василій Каменскій.

ИЗЪ КНИГИ «СЕРДЦЕ НАРОДНОЕ СТЕНЬКА РАЗИНЪ».

1.

Ай хяль бура бенъ
Сиверимъ сизэ чокъ.
Ай Залма —
Ай гурмышъ-джаманай.
Ай пестритесь ковры —
Моя Персія.
Ай чернитесь брови мои —
Губы — кораллы
Чарнъ — чаллы.
Ай падайте на тахту
Съ ногъ браслеты.
Я ищу — гдѣ ты.
Ай желтая звѣздная Персія,
Кальяномъ душистымъ
Опьянилась душа,
Подъ одѣяломъ шурша.
Ай — въ полумѣсяцѣ жгучая
Моя вѣра — Коранъ.
Я вся змѣя гремучая —
Твоя Мейранъ.
Ай все пройдетъ,
Всѣ умрутъ.
Съ знойно-голыхъ ногъ
Сами спадутъ
Бирюза изумрудъ.

Ай ночь въ синемъ разливная
А въ сердце ало вино.
Грудь моя спѣлая — дивная
Я вся — раскрыта окно,
Ай — мой Заремъ — мой гаремъ
Моя Персія.

2.

Сарынь на кичку
Ядреный лапоть,
Пошелъ шататься по берегамъ.
Сарынь на кичку,
Казань — Саратовъ.
Въ дружину дружную
На перекличку,
На лихо лишнее врагамъ.
Сарынь на кичку,
Боченокъ съ брагой
Мы разопьемъ
У трехъ костровъ.
И на привольѣ волжскомъ вагой
Зарядимъ въ грусть
У островов.
Сарынь на кичку,
Ядреный лапоть —
Чеши затылокъ у перса-пса.
Зачнемъ съ низовья
Хватать, царапать
И шкуру драть
Парчу съ купца.
Сарынь на кичку,
Кистень за поясъ
Въ башкѣ зудитъ
Разгулъ до дна.
Свисти — глуши,
Зѣвай — раздайся
Слѣпая стерва.— непопадайся.
Вввва — а.

3.

Ну рразъ еще—сарынь на кичку—
Я знаю часъ свой роковой —
За атаманскую привычку
На плаху лягу головой.
И пускай — я,
Все равно жизнь — малина
А струги — лебединая стая.
Разливайся Волга — судьбина
Парусами густая.
Прожито все, — что назначено.
Добыто все — головой.
Дѣло навѣки раскачено.
Эй—заводи рулевой.

ПЛАЧЪ ПО КРАСНОАРМЕЙЦАМЪ.

(Изъ поэмы «Благословеніе хлѣбовъ»).

Медленны капли зорь
По рецепту небесной аптеки.
Что это дѣтская корь
Или плачъ библійской Ревекки?
Маркою Р. С. Ф. С. Р.
Клеймимъ папиросъ лбы —
Великолѣпный примѣръ:
Здѣсь начинается бытъ,
Въ небѣ Москвы чеканъ,
Какъ черепъ на склянкѣ,
Созвѣздіе В. Ч. К.
Надъ гробомъ Лубянки.
А вы, изъ рукъ Перекопа
Вкусившіе черныхъ просфоръ,
Кроетъ оркестровъ копоть
Вашъ героическій моргъ.
Ротъ молчаніемъ буръ,
Мозгъ заржавѣвшей розой,
Алая лава бурь
Стынетъ торжественной бронзой,
Вздернуты тѣла якорей.
Стиксъ распираютъ баржи.
Звякаютъ гири смертей
Трауермаршемъ.
Милые, столько кому
Трупнаго сплава?

Вотъ она въ небѣ коммунъ
Красноармейская слава!
Скучно мнѣ. Впрочемъ, жестъ
Вѣковъ изъ октябрьской рамы,
Великолѣпнѣе всѣхъ торжествъ
Человѣческой драмы.

1921 г.

НОВАЯ ГОЛЛАНДІЯ.

И молніи Петровой дрожи,
И троссы напряженныхъ рукъ,
И въ остропахнущей рогожѣ
О землю шлепнувшійся тюкъ.

Заморскіе почуявъ грузы
И тропиками охмѣлевъ,
Какъ раскрывался у медузы
Новоголландской арки зевъ.

Но слишкомъ бѣглы — очеркъ суденъ
И чужеземныхъ флаговъ шелкъ,
Предъ своей страною безразсуденъ
Петромъ оставленный ей долъ.

Окно въ Европу! проработавъ
Свой скудный вѣкъ, ты заперто,
И въѣздъ торжественный Ламотовъ
Провалъ ведущій насъ въ ничто.

Кому жъ грозить возмездьемъ скорымъ
И отверзать кому врата,
Коль торгъ идетъ родныхъ просторовъ
И смерти именемъ Христа?

Осипъ Мандельштамъ.

* * *

Сестры—тяжесть и нѣжность, одинаковы ваши
примѣты.
Медуницы и осы тяжелую розу сосутъ.
Человѣкъ умираетъ, песокъ остываетъ
согрѣтый,
И вчерашнее солнце на черныхъ носилкахъ
несутъ.

Ахъ, тяжелыя соты и нѣжныя сѣти,
Легче камень поднять, чѣмъ вымолвить слово—
любить.
У меня остается одна забота на свѣтѣ,
Золотая забота, какъ времени бремя избыть.

Словно темную воду, я пью помутившійся
воздухъ,
Время вспахано плугомъ, и роза землею была.
Въ медленномъ водоворотѣ тяжелыя нѣжныя
розы,
Розы тяжесть и нѣжность въ двойные вѣнки
заплела.

Мартъ 1920.

ИЗЪ КНИГИ «ТУЧЕЛЕТЪ».

1.

Не туча — вороньи перья.
Чернымъ огнемъ твердь пламенятъ.
Знаете ли почему? Потому что:
октябрь сразилъ
Смертями каркающую птицу.

Гдѣ ты, Великая Россійская Имперія,
Что жадными губами сосала Европу и Азію
Какъ два бѣлыхъ покорныхъ вымени? . .

Изъ вѣтрового лука пущенная стрѣла
Распростерла
Прекрасную хищницу.

Неужели не грустно вамъ?
Я не знаю — кто вы, откуда, чьи? . .
Это люди, другіе, новые —
Они не любили ея величья.

Нѣтъ, не приложу ума,
Какъ воедино сольются
Вытекавшія пространства.

Смиренно на Западъ побрело съ сумой
Русское столбовое дворянство.

Многія лѣта,
Многія лѣта,
Многія лѣта,
Здравствовать тебѣ — Революція.

Январь 1921.

2.

Безумья песъ, безумья лапу дай,
О дай умалишенье тихое.
Какая золотая падаль
Мои во времени гніющіе стихи.
Когда обгложетъ кость голодное наслѣдье,
И выкатитъ бѣлки отравленные ядомъ
Другое знанье въ облачной ладьѣ
Къ вамъ приплыветъ изъ Анатолеграда.
Рыданье гирей пудовѣло въ горлѣ
Когда молилась месть кровавой материшной
И въ бородахъ пиковыхъ королей,
Качалось солнце черной вишней.

Окт. 1919.

НАШЪ МАРШЪ.

Бейте въ площади бунтовъ топотъ!
Выше гордыхъ головъ гряда!
Мы разливомъ второго потопа
Перемоемъ міровъ города.

Дней быкъ пѣгъ.
Медленна летъ арба.
Нашъ богъ бѣгъ.
Сердце нашъ барабанъ.

Есть ли нашихъ золотъ небеснѣй?
Насъ ли сжалитъ пули оса?
Наше оружіе — наши пѣсни.
Наше золото — звенящіе голоса.

Зеленью лягъ лугъ,
Выстели дно днямъ.
Радуга, дай дугъ
Летъ быстролетнымъ конямъ.

Видите скушно звѣздъ небу!
Безъ него наши пѣсни вьемъ.
Эй, Большая Медвѣдица! требуй,
Чтобъ на небо насъ взяли живьемъ.

Радости пей! Пой!
Въ жилахъ весна разлита
Сердце бей бой!
Грудь наша мѣдь литавръ.

1918

ПРИКАЗЪ ПО АРМІИ ИСКУССТВА.

Канителятъ стариковъ бригады
Канитель одну и ту жъ.
Товарищи!
На барикады!
барикады сердецъ и душъ.
Только тотъ коммунистъ истый,
кто мосты къ отступленію сжегъ.
Довольно шагать футуристы
въ будущее прыжокъ!
Паровозъ построить мало —
Накрутилъ колесъ и утекъ.
Если пѣснь не громитъ вокзала,
то къ чему перемѣнный токъ?
Громоздите за звукомъ звукъ вы
и впередъ
поя и свища.
Есть еще хорошія буквы:
Эръ.
Ша.
Ща.
Это мало построить парами,
распушить по штанинѣ канты.
Всѣ совдепы не сдвинутъ арміи,
если маршъ не дадутъ музыканты.
На улицу тащите рояли,
барабанъ изъ окна багромъ.
Барабанъ,
рояль раскроя ли,
Но чтобъ грохотъ былъ,
чтобъ громъ.
Это что — корпѣть на заводахъ,
перемазать рожу въ копоть,

и на роскошь чужую
въ отдыхъ
осовѣлыми глазками хлопать.
Довольно грошевыхъ истинъ,
изъ сердца старое вытри.
Улицы наши кисти.
Площади наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революціи дни не воспѣты.
На улицу футуристы,
барабанщики и поэты!

1919.

Вѣра Меркурьева.

ПРОКИМЕНЪ.

Въ нѣмое било, стукнувъ глухо,
Ступая тупо въ мутной мглѣ,
Идетъ начетчица старуха
Творить метанія землѣ.
Станъ перетянетъ жесткій поясъ,
Не дрогнетъ нитка сжатыхъ устъ,
Лишь выдастъ старость, шубой кроясь,
Сухихъ колѣнъ морозный хрустъ.
Идетъ, и вдругъ, какъ вздыметъ руки,
Какъ грянетъ о земь черствымъ лбомъ,
Запричитаетъ по разлукѣ,
Заголоситъ по неживомъ.
Какъ завопитъ въ тоскѣ несносной,
Твердя святые имена,
И вихри вслѣдъ размечутъ косы,
Ея сѣдые дьякона.
И въ мутныхъ свѣтахъ, въ блѣдныхъ
бликахъ,
Едва проступятъ образа —
Иконостасовъ дымноликихъ
Несосвѣтимые глаза.
И чуть завидѣвъ строгихъ очи,
Сама отъ страха не своя,
Не то блажитъ, не то порочитъ,
Чужія скорби плачея.

1919 г.

———

ИЗЪ КНИГИ «СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ».
ПАМЯТИ ДЕМОНА.

Приходилъ по ночамъ
Въ синевѣ ледника отъ Тамары,
Парой крылъ намѣчалъ
Гдѣ гудеть, гдѣ кончаться кошмару.

Не рыдалъ, не сплеталъ
Оголенныхъ, исхлестанныхъ, въ шрамахъ.
Уцѣлѣла плита
За оградой грузинскаго храма.

Какъ горбунья дурна
Подъ рѣшеткою тѣнь не кривлялась,
У лампады зурна,
Чуть дыша, о княжнѣ не справлялась.

Но сверканье рвалось
Въ волосахъ и, какъ фосфоръ, трещали.
И не слышалъ Колоссъ,
Какъ сѣдѣетъ Кавказъ за печалью.

Отъ окна на аршинъ
Пробирая шерстинки бурнуса,
Клялся льдами вершинъ:
Спи, подруга, лавиной вернуся.

---

* * *

Ты въ вѣтрѣ вѣткой пробующемъ,
Не время ль птицамъ пѣть,
Намокшая воробушкомъ
Сиреневая вѣтвь!

У капель тяжесть запонокъ,
И садъ слѣпитъ какъ плесъ,
Обрызганный, закапанный
Милльономъ синихъ слезъ.

Моей тоскою вынянчень,
И отъ тебя въ шипахъ
Онъ ожилъ ночью нынѣшней
Забормоталъ, запахъ.

Всю ночь въ окошко торкался,
И ставень дребезжалъ,
Вдругъ духъ сырой прогорклости
По платью пробѣжалъ.

Разбуженъ чуднымъ перечнемъ
Тѣхъ прозвищъ и временъ,
Обводитъ день теперешній
Глазами анемонъ.

———

ДОЖДЬ.

Она со мной! Наигрывай,
Лей, смѣйся, сумракъ рви,
Топи, теки эпиграфомъ
Къ такой, какъ ты, любви!

Снуй шелкопрядомъ тутовымъ
И бейся объ окно!
Окутывай, опутывай, —
Еще не всклянь, темно!

— «Ночь въ полдень, ливень,—гребень ей!
— На щебнѣ — взмокъ — возьми.
И — цѣлыми деревьями
Въ глаза, въ виски, въ жасминъ!

Осанна тьмѣ Египетской.
Хохочутъ, сшиблись — ницъ.
И вдругъ пахнуло выпиской
Изъ тысячи больницъ.

Теперь бѣжимъ ощипывать,
Какъ стонъ со ста гитаръ,
Омытый мглою липовой
Садовый Санъ-Готардъ.

«ДО ВСЕГО ЭТОГО БЫЛА ЗИМА».

Въ занавѣскахъ кружевныхъ —
Воронье.
Ужасъ стужи ужъ и въ нихъ
Зароненъ.

Это кружится октябрь,
Это жуть
Подобралась на когтяхъ
Къ этажу.

Что ни просьба, что ни стонъ,
То, кряхтя,
Заступаются шестомъ
За октябрь.

Вѣтеръ за руки схватилъ
Дерева
Гоняютъ лѣстницей съ квартиръ
По дрова.

Снѣгъ валится, и съ колѣнъ
— Въ магазинъ
Съ восклицаньемъ: сколько лѣтъ!
Сколько зимъ!

Сколько разъ онъ рытъ и битъ,
Сколько имъ
Сыпанъ зимами съ копытъ
Кокаинъ!

— Мокрой солью съ облаковъ
И съ удилъ,
Боль, какъ пятна съ башлыковъ,
Выводилъ.

———

«ИЗЪ СУЕВѢРЬЯ».

Коробка съ краснымъ померанцемъ
Моя каморка.
О, не объ номера жъ мараться
По гробъ, до морга!

Я поселился здѣсь вторично
Изъ суевѣрья.
Обоевъ цвѣтъ, какъ дубъ коричневъ,
И пѣнье двери.

Изъ рукъ не выпускалъ защелки,
Ты вырывалась,
И чубъ касался чудной челки
И губы — фіалокъ.

О, нѣженка, во имя прежнихъ,
И въ этотъ разъ твой
Нарядъ щебечетъ, какъ подснѣжникъ,
Апрѣлю: здравствуй.

Грѣхъ думать, ты не изъ весталокъ:
Вошла со стуломъ,
Какъ съ полки жизнь мою достала,
И пыль обдула.

———

ПОДРАЖАТЕЛИ.

Пекло и берегъ былъ высокъ.
Съ подплывшей лодки цѣпь упала
Змѣей гремучею — въ песокъ
Гремучей ржавчиной — въ купаву.

И вышли двое подъ обрывъ
Хотѣлось крикнуть имъ: «Простите,
Но бросьтесь, будьте такъ добры,
Не врозь, такъ въ рѣку, какъ хотите.

Вы вѣрны лучшимъ образцамъ.
Конечно, ищущій обрящетъ,
Но... бросьте лодкою бряцать.
— Въ травѣ терзается образчикъ.»

«ОБРАЗЕЦЪ».

О бѣдный Homo Sapiens,
Существованье — гнетъ.
Былые годы, за поясъ
Одинъ такой заткнетъ.

Всѣ жили въ сушь и впроголодь,
Въ борьбѣ ожесточась.
И никого не трогало,
Что чудо жизни — съ часъ.

Съ тѣхъ рукъ впивавши ландыши,
На тѣ глаза дыша,
Изъ ночи въ ночь валандавшись,
Гормя горитъ душа.

Одна изъ южныхъ мазанокъ
Была другихъ южнѣй,
И ползала, какъ пасынокъ,
Трава въ ногахъ у ней.

Сушился холстъ. Бросается
Еще сейчасъ къ груди
Плетень въ ночной красавицѣ,
Хоть годъ и позади.

Онъ незабвененъ тѣмъ еще,
Что пылью припухалъ,
Что вѣтеръ лускалъ сѣмечки
Сорилъ по лопухамъ,

Что незнакомой мальвою
Велъ, какъ, слѣпца меня,
Чтобъ я тебя вымаливалъ
У каждаго плетня.

Сошелъ и сталъ окидывать
Тѣхъ новыхъ лужъ масла,
Разбѣгъ тѣхъ рощъ ракитовыхъ,
Куда я письма слалъ.

Мой поѣздъ только тронулся,
Еще вокзалъ, Москва,
Плясали въ кольцахъ, въ конусахъ
По насыпи, по рвамъ,

А ужъ гудѣли кобзами
Колодцы и, пылясь,
Скрипѣли, бились объ землю
Скирды и тополя.

———

ЗАМѢСТИТЕЛЬНИЦА.

Я живу съ твоей карточкой, съ той что хохочетъ,
У которой суставы въ запястьяхъ хрустятъ,
Той, что пальцы ломаетъ, и бросить не хочетъ
У которой гостятъ и гостятъ и грустятъ;

Что отъ треска колодъ, отъ бравады Ракочи,
Отъ стекляшекъ въ гостиной, отъ стекла и гостей,
По пьанино въ огнѣ пробѣжится и вскочитъ
Отъ розетокъ, костяшекъ и розъ и костей.

Чтобъ прическу ослабивъ, и чайный и шалый,
Зачаженный бутонъ заколовъ за кушакъ,
Провальсировать къ славѣ, шутя, полушалокъ,
Закусивши какъ муку и еле дыша.

Чтобы комкая корку рукой, мандарины,
Холодящія дольки глотать торопясь
Въ опоясанный люстрой, позади за гардиной,
Залъ испариной вальса запахшій опять.

Такъ сѣлъ бы вихрь, чтобъ на пари
Пары паровъ въ пути
И мглу и иглы, какъ мюридъ,
Не жмуря глаза снести.

И объявить, что не скакунъ
Не шалый шопотъ горъ,
Но эти розы на боку
Несутъ во весь опоръ.

Не онъ, не онъ, не шопотъ горъ
Не онъ, не топъ подковъ,
Но только то, но только то,
Что стянуто платкомъ.

И только то, что тюль и токъ,
Душа, кушакъ и въ тактъ
Смерчу умчавшійся носокъ
Несутъ, шутя въ мечтахъ.

Имъ, имъ,.— и отъ души смѣша
И до упаду, въ лоскъ,
На зависть мчащимся мѣшкамъ
До слезъ! — До слезъ!

Григорій Петниковъ.

ВТОРОЙ КРУГЪ ВЕСНЫ.

И на становищахъ весны
Установивъ живыя влаги,
Нежданно вырастаютъ сны
Первоцвѣтеніемъ купавы.

Такой же благовѣстъ рѣки!
Такой же крестъ, — такой же отдыхъ
И на повѣтріяхъ ольхи
Хмельные буйственные вздохи.

И влагу холода пріявъ
Въ развернутыя мірозданья
Ты — нѣжная, нѣмая явь
И пѣвческій твой вѣченъ данникъ.

Природа сѣверо устала
Лелеять небытійно сны,
Стовѣтвіемъ — столѣтье тала,
Что явственная синь весны.

На изумрудныя поруки
Отдавъ въ разливъ иной февраль,
Поетъ весеннѣйшею вьюгой,
По русламъ рвущуюся даль.

ПОЭЗІЯ ВОЙНЫ — ВЕСНЫ.

Пой и пой въ весеннемъ дымѣ,
Самозабвеніе временъ,
Доколѣ закипаетъ дивій
Вѣками накопленный ленъ.

Ты возвела, велѣла лѣту,
Чтобъ выросъ выспренній въ тебѣ
Взмывая небосиній вѣтеръ
Наперекоръ рѣчаный нѣдръ.

Но ты воспоена, стихія,
Въ подвѣтренные камыши,
Что тишью отошедшей стынетъ
Степей распѣвочная ширь.

И новями понуро приметъ
Копье всепьяная земля,
И сдержитъ жертвенникъ даримый
Поверхъ вскипѣвшаго стебля.

Ты въ вѣтрѣ вспоминаешь прежнемъ
Береговыхъ міровъ загаръ,
Косноязычьемъ человѣчьимъ
Вѣщаешь октября пожаръ.

Пои и пой въ весеннемъ дымѣ
Иныя новины небесъ,
Твое свѣтлѣющее имя,
Полями вѣющую пѣснь.

Петербургъ 1919.

Анна Радлова.

ИЗЪ КНИГИ «КОРАБЛИ».

1.

18 октября 1919 г.

Поющая, вопіющая, взывающая, глаголящая
орда
Кричитъ, бѣжитъ, куда?
Слышенъ многоголосый пьяный вой,
— Домой, домой, домой.
Не плугомъ вспахана, не дождями полита,
Танками вспахана, кровью — потомъ полита,
Земля теплая, нѣжная, черная.
Близко крыльями машутъ вороны.
— Какіе цвѣты вырастутъ здѣсь весной?
— Все равно, бѣжимъ со мной.
Падаютъ лошади, люди, орудія.
А крикъ изъ единой разодранной груди
— Домой, домой, домой.
— Стой!
Автомобильный звѣриный рыкъ.
Несказанный, ужасный, сіяющій ликъ.
— Михаилъ... съ нами Михаилъ Архистратигъ!
— Видишь, въ рукѣ огненный мечъ?
— Отъ сіянія бы на земь лечь,
— Городъ приказано уберечь.
Не рѣка полилась вспять,
Люди пошли умирать.
Горѣли надъ Пулковымъ черной зарей небеса.
Снились уже разъ человѣчеству эти глаза,

Когда въ грозѣ и въ огнѣ
Надъ Европой летѣлъ, какъ смерчъ,
Корсиканецъ на бѣломъ конѣ,
И спали въ рукахъ у него близнецы — Побѣда
и Смерть.

Весна 1920.

2.

Подъ знакомъ Стрѣльца, огненной мѣдью
Расцвѣталъ единый Октябрь.
Вышелъ огромный корабль
И тѣнью покрылъ столѣтья
Стало игрушкой взятье Бастиліи,
Римъ, твои державные камни — пылью.
Въ жилахъ побѣдителей волчья кровь,
Съ молокомъ волчицы всосали волчью любовь.
И въ Россіи моей, окровавленной, побѣдной
или плѣнной,
Бьется трепетное сердце вселенной,

Весна 1920.

3.

А. М. Ремизову.

Бываютъ же на свѣтѣ лимонныя рощи,
Зима, рождающая вдоволь хлѣба,
Нестерпимо теплое, фіалковое небо,
И въ узорныхъ соборахъ тысячелѣтнія
нестрашныя мощи.
И гуляютъ тамъ съ золотыми пустыми
бубенчиками въ груди люди.
Господи, Ты самый справедливый изъ всѣхъ
судей,
Зачѣмъ же судилъ Ты, чтобы наша жизнь была
такъ темна и такъ убога,
Что самая легкая изъ всѣхъ нашихъ дорогъ —
къ Тебѣ дорога?
Почему у насъ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни вина,
ни хлѣба,
И надъ нами торчитъ, какъ черная крышка,
небо?
А Богъ отвѣчаетъ: хмельнѣе вина,
Жарче огня, скрытнѣй земли, глубже воды,
Утѣшнѣе сна,
Слаще, чѣмъ всѣ земные плоды —
Подарена вамъ любовь,
Теплая и соленая, какъ кровь.

Оснеь 1919.

4.

Безумнымъ табуномъ неслись года.
Они зачтутся Богомъ за столѣтья —
Нагая смерть гуляла безъ стыда,
Й разучились улыбаться дѣти,
И мы узнали мѣру всѣхъ вещей,
И стала смерть единственнымъ мѣриломъ
Любови окрыленной иль безкрылой
И о любови суетныхъ рѣчей.
А сердце — горестный «Титаникъ» новый
Въ Атлантовыхъ почіетъ глубинахъ,
И корабли надъ нимъ плывутъ въ оковахъ,
Въ броняхъ тяжелыхъ и тяжелыхъ снахъ.
Земля, нѣжнѣйшая звѣзда Господня,
Забвенья нѣтъ въ твоихъ моряхъ глухихъ,
Покоя нѣтъ въ твоихъ садахъ густыхъ,
Въ червонныхъ зоряхъ, — но въ ночи безплодной
Взлетаетъ стихъ, какъ лезвіе холодный.

Лѣто 1920.

ТИФЛИСЪ.

Сѣдой, но радостный, какъ дѣти,
Сбѣгая въ долъ съ крутой горы,
Слѣдитъ онъ токъ тысячелѣтій
Въ расколотомъ стеклѣ Куры.

Вѣнецъ поблекъ, но кровь не стынетъ,
Рука сжимаетъ острый ножъ.
Въ нарядѣ модномъ онъ и нынѣ
На европейца не похожъ.

Дома высокіе, трамваи,
Мотора лающій гудокъ,
И бѣлый томикъ Бѣлой Стаи —
Тоскливый сѣверный цвѣтокъ.

А рядомъ, посреди витрины,
Портретъ съ мясистой головой
Свободы новой мѣщанина,
Пигмея съ рѣчью громовой.

Все тутъ, какъ тамъ, гдѣ смуты бурной
Посѣвы ярые взошли.
Но ласковѣй просторъ лазурный,
Лѣнивѣй чаянья земли.

Кого прельстятъ чужія страны?
Какой свободѣ строить храмъ,
Пока надъ Вѣрой есть духаны,
Для рыцарей прекрасныхъ дамъ?

Все переживъ и все извѣдавъ,
Чьихъ ранъ коснуться, какъ Ѳома,
И что имъ русскій Грибоѣдовъ
И наше Горе отъ Ума?

Но въ предначертанномъ предѣлѣ
Послѣдній свой познавъ расцвѣтъ
Гордится Шотой Руставели
Тифлисъ восьмую сотню лѣтъ.

Өедоръ Сологубъ.

ИЗЪ КНИГИ «ӨИМІАМЫ».

1.

Скиөскія, суровыя дали,
Холодная, темная, родина моя,
Гдѣ я изнемогъ отъ печали,
Гдѣ змѣя душитъ моего соловья!
Родился бы я на Мадагаскарѣ,
Говорилъ бы нарѣчіемъ, гдѣ много **а**,
Слагалъ бы я поэмы о любовномъ пожарѣ,
О нагихъ красавицахъ на островѣ Самоа.
Дома ходилъ бы я совсѣмъ голый,
Только малою алою тканью бедра объявъ.
Упивался бы я, безкрайно веселый,
Дыханьемъ тропическихъ травъ.

2.

Всѣ земныя дороги
Въ раздѣленіяхъ зла и добра,
Всеблаженные боги,
Только ваша игра!
Вы безпечны и юны,
Вамъ бы только играть,
И ковать золотые перуны,
И лучами сіять.
Оттого, что васъ трое,
Между вами раздоръ не живетъ.
И одно и другое
Къ единенію Воля ведетъ.

3.

Я испыталъ превратности судебъ,
И видѣлъ много на земномъ просторѣ,
Трудомъ я добывалъ свой хлѣбъ,
И веселъ былъ, и мыкалъ горе.
На милой, мной извѣданной землѣ,
Уже ничто теперь меня не держитъ,
И пусть таящійся во мглѣ
Меня стремительно повержетъ.
Но есть одно, чему всегда я радъ,
И съ чѣмъ всегда бываю свѣтло-молодъ —
Мой трудъ. Иныхъ земныхъ наградъ
Не жду за здѣшній дикій холодъ.
Когда меня у входа въ Парадизъ
Суровый Петръ, гремя ключами, спроситъ:
— Что дѣлалъ ты? — меня онъ внизъ
Желѣзнымъ посохомъ не сброситъ.
Скажу — слагалъ романы и стихи,
И утѣшалъ, но и вводилъ въ соблазны,
И вообще мои грѣхи,
Апостолъ Петръ, многообразны.
Но я — поэтъ. — И улыбнется онъ,
И разорветъ грѣховъ рукописанье.
И смѣло въ рай войду, прощенъ,
Внимать святое ликованье.
Не затеряется и голосъ мой
Въ хваленьяхъ ангельскихъ, горящихъ ясно,
Земля была моей тюрьмой,
Но здѣсь я прожилъ не напрасно.
Горячій духъ земныхъ моихъ отравъ,
Невѣдомыхъ чистѣйшимъ серафимамъ,
Въ благоуханье райскихъ травъ
Вольется благовоннымъ дымомъ.

4.

Зачѣмъ любить? Земля не стоитъ
Любви твоей.
Пройди надъ ней, какъ астероидъ,
Пройди скорѣй.
Среди холодной атмосферы
На мигъ блесни,
Яви мгновенный свѣточъ вѣры
И схорони.

———

5.

Все, что вскругъ себя, знаю,
Только мистическій кругъ.
Самъ ли себя замыкаю
Въ темное зарево вьюгъ?
Или иного забавитъ
Ровная плоскость игры,
Гдѣ онъ улыбчиво ставитъ
Малые наши міры?
Знаю, что скоро открою
Близкіе духу края.
Міродержавной игрою
Буду утѣшенъ и я.

Диръ Туманный.

МОСКОВСКАЯ АМЕРИКА.

Самогонки ковшикъ мнѣ отмѣряй-ка,
А потомъ бери стаканъ и пей!
Вотъ она — Московская Америка,
Съ языкомъ и нравами степей!
Годъ назадъ грабители не эти ли
Надрывались изъ за фунтика муки?
Выползайте на поминки добродѣтели,
Проститутки, босяки и «рыбаки»!
Эй, пріятель! Испугался, видно, ночи то,
Что нахмурился, волнуясь и ворча?
Видно лучше жизнь голоднаго рабочаго,
Чѣмъ нетрудная работа по ночамъ?
Подъ рукой бутылочка со втулочкой,
И торчитъ за пазухой ноганъ.
Буду ждать въ укромномъ переулочкѣ
Не пройдетъ ли старая карга.
Мнѣ пріятнѣй чистить старыхъ шляпъ,
Но потомъ, отъ холода дрожа:
— Выворачивай карманы, барышня,
Подъ угрозой засапожнаго ножа!
Не умѣю разводить амуры я,
Да такая жизнь и не по мнѣ.
Буду жить, пока солдаты хмурые
Не приставятъ къ каменной стѣнѣ.
На дорогу мнѣ бутылочку отмѣряй-ка,
А потомъ бери стаканъ и пей!
Вотъ она—Московская Америка,
Съ языкомъ и нравами степей!

1920 г.

ЦАРЮ НА ПАСХУ.

Настежъ, настежъ,
Царскія врата.
Сгасла, схлынула чернота.
Чистымъ жаромъ
Горитъ алтарь.
— Христосъ Воскресе,
Вчерашній царь!

Палъ безъ славы
Орелъ двуглавый.
— Царь! — Вы были неправы.

Помянетъ потомство
Еще не разъ —
Византійское вѣроломство
Вашихъ ясныхъ глазъ.

Ваши судьи —,
Гроза и валъ!
— Царь! — Не люди, —
Васъ Богъ взыскалъ!

Но нынче Пасха
По всей странѣ,
Спокойно спите
Въ своемъ Селѣ,
Не видьте красныхъ
Знаменъ во снѣ.

Царь ! — Потомки
И предки — сонъ.
Есть — котомка,
Коль отнять — тронъ.

2-го апр. 1917 г. 1-ый день Пасхи.

———

* * *

Андрей Шенье взошелъ на эшафотъ.
А я живу — и это страшный грѣхъ.
Есть времена — желѣзныя — для всѣхъ.
И не пѣвецъ, — кто въ порохѣ — поетъ.

И не отецъ, кто съ сына у воротъ
Дрожа срываетъ воинскій доспѣхъ.
Есть времена, гдѣ солнце — смертный грѣхъ.
Не человѣкъ — кто въ наши дни — живетъ.

29 марта 1918.

---

* * *

И страшные мнѣ снятся сны:
Телѣга красная,
За ней — согбенные — моей
Идутъ сыны.

Золотокудраго воздѣвъ
Ребенка — матери
Вопятъ — на паперти,
На стягъ
Пурпуровой маша рукой безпалой,
Вопитъ калѣка, тряпкой алой,
Горитъ безногаго костыль.
И красная — до неба — пыль,
Вздымается девятымъ валомъ.

Колеса ржавыя скрипятъ,
Конь пляшетъ взбѣшенный.
Всѣ окна флагами кипятъ.
Одно — завѣшено.

Ноябрь 1920.

* * *

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы — и что ей хаты!
Что Чингизъ-Ханъ ей — и что орда!
Два на міру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитыхъ:
Голодъ голодныхъ—и сытость сытыхъ!

5 авг. 1918.

———

* *
*

Я эту книгу поручаю вѣтру
И встрѣчнымъ журавлямъ.
Давнымъ-давно перекричать разлуку.
Я голосъ сорвала.

Я эту книгу, какъ бутылку въ волны,
Кидаю въ вихри войнъ.
Пусть странствуетъ она—свѣчей подъ
праздникъ.
Вотъ такъ: изъ длани въ длань.

О, вѣтеръ, вѣтеръ, вѣрный мой свидѣтель,
До милыхъ донеси,
Что еженощно я во снѣ свершаю
Путь — съ Сѣвера на Югъ.

Москва, Февраль 1920.

---

*
* *

— Охъ, грибокъ ты мой, грибочекъ, бѣлый
груздь!—
То шатаясь причитаетъ въ полѣ — Русь.
— Помогите, — на ногахъ не тверда!
Отуманила меня кровь-руда!

И справа и слѣва
Кровавые зѣвы,
И каждая рана:
— Мама!

И только и это,
И внятно мнѣ, пьяной,
Изъ чрева — и въ чрево:
— Мама!

Всѣ рядкомъ лежатъ, —
Не развесть межой!
Поглядѣть: солдатъ!
Гдѣ свой, гдѣ чужой?

Бѣлый былъ — краснымъ сталъ,
Кровь обагрила.
Краснымъ былъ — бѣлый сталъ,
Смерть побѣлила.

Кто ты? — Бѣлый? — Не пойму! — Привстань!
Аль у красныхъ пропадалъ? — Рязань.

И справа и слѣва,
И сзади и прямо,
И красный и бѣлый:
— Мама!

Безъ воли — безъ гнѣва —
Протяжно — упрямо —
До самаго неба:
— Мама!

Декабря 1920.

ЗА НАСЪ ТОСТ

Мы послѣдніе въ нашей кастѣ
И жить намъ недолгій срокъ!
Мы — коробейники счастья,
Кустари задушевныхъ строкъ.
Скоро вытекутъ на смѣну оравы
Не знающихъ сгустковъ въ крови,
Машинисты желѣзной славы
И ремесленники любви.
И въ жизни оставятъ мѣсто
Свободнымъ отъ машинъ и основъ:
Семь минутъ для ласки невѣсты,
Три секунды въ день для стиховъ.
Со стальными, какъ рельсы, нервами
(Не въ хулу говорю, а въ лесть),
Отъ двѣнадцати до полчаса перваго
Будутъ молиться и ѣсть!
Торопитесь же, дѣвушки, женщины;
Влюбляйтесь въ пѣвцовъ чудесъ.
Мы пока послѣднія трещины,
Что не залилъ въ мірѣ прогрессъ!
Мы послѣдніе въ нашей династіи,
Такъ любите жъ въ оставшійся срокъ
Насъ, коробейниковъ счастья,
Кустарей задушевныхъ строкъ!

ЛЮДОВИКУ XVII.

Я помню съ матерней печалью
И крысъ — отраву дѣтскихъ дней,
Что въ чашкѣ глиняной твоей
Тюремный ужинъ доѣдали.

И на рубашкахъ кружевныхъ
Въ конецъ изодранные локти
И жалкихъ дѣтскихъ рукъ твоихъ
О дверь обломанные ногти.

И лица часовыхъ въ дозорѣ
И Тампля узкій, тайный дворъ,
И слышится мнѣ до сихъ поръ
Твой плачъ прерывистый и горькій.

Но мать къ испуганнымъ объятьямъ
Не простирала нѣжныхъ рукъ,
И не ее твой слабый стукъ
Будилъ въ пустынномъ казематѣ.

Народной ярости не вновѣ
Смиряться страшною игрой
Тебѣ, Семнадцатый Людовикъ,
Сталъ братомъ Алексѣй Второй.

И онъ принесъ свой выкупъ древній
За горевыхъ пожаровъ чадъ,
За то, что мерли по деревни
Милльоны каждый годъ ребятъ,

За ихъ отцовъ разгулъ кабацкій
И за покрытый кровью шляхъ,
За хрустъ костей въ могилахъ братскихъ
Въ Манчжурскихъ и иныхъ поляхъ,

За матерей сухія спины,
За ранній, горькій, блескъ сѣдинъ,
За Геси Гельфманъ въ часъ родинъ
Насильно отнятаго сына.

За братьевъ всѣхъ своихъ опальныхъ,
За всѣ могилы безъ отмѣтъ,
Что Русь въ синодикъ поминальный
Записывала триста лѣтъ.

За жаркій югъ, за сѣверъ гиблый —
Исполненъ надъ тобой и имъ,
Неукоснительно чинимъ
Законъ неумолимыхъ библій,

Но помню горестно и ясно:
Я мать. И нашъ законъ простой —
Мы къ этой крови непричастны,
Какъ непричастны были къ той.

СПБ. 1920.

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРѢПОСТЬ.

Замшѣлый стѣнъ сѣдая вязь,
Какъ не отдать послѣдней чести
И какъ пройти не поклонясь
Петровой каменной невѣстѣ?

Стоишь на смерть Петру вѣрна,
И вѣчно горькой крови нашей
Къ твоимъ губамъ поднесена
Неупиваемая чаша.

29 авг. 1920.

———

И. Эренбургу.

Какъ часто на Montparnasse'ѣ грезила я вдумчиво и привычно объ Исаакіи въ темной рясѣ, о Библіотекѣ Публичной.

Возглашала горькіе тосты со своею тоской всегдашней, за Неву съ Литейнаго Моста, за задумчивую водопроводную башню, и даже (тоска безмѣрна!) за Предварилку, что на Шпалерной.

А теперь на Марсовомъ полѣ, безтрамвайной, безсвѣтной ночью вспоминаю съ такою болью парижскія фонарныя очи. И грущу о звонкахъ вокзальныхъ, о синема зеркальныхъ, о гудкахъ фабричныхъ, намъ теперь такихъ непривычныхъ, о всемъ, что на жизнь похоже и даже (прости мнѣ Боже!) о шоколадѣ и о пирожныхъ.

С.П.Б. 1918.

МОСКОВСКІЯ РАЗДУМЬЯ.

1.

Москва, Москва! Безбытье необжитыхъ будней,
И жизни чернота у жалкаго огня.
Воистину великъ и скуденъ,
Зачинъ невѣдомаго дня.
Идетъ, и шагъ его чугуненъ
По нѣжной розсыпи снѣговъ, въ овьюженномъ Кремлѣ.
Какое варварское однодумье,
На неуступчивомъ челѣ!
Кругомъ забвенное посмертье,
Послѣдній плачъ тамъ, за Москва-рѣкой умолкъ.
Онъ на снѣгу еще невыпавшія тѣни чертитъ:
Стекло, желѣзо, толпы толпъ.
А тамъ, въ домахъ, гдѣ сонъ вѣковъ поруганъ,
Разсѣчена еще влачится жизнь.
И щедро мы скрѣпляемъ кровью скудной
Таинственные чертежи.
Надъ золотой землей, далекой медоносной,
Свѣтило легкое, плыви, гори!
Но я не отрекусь отъ трепыханья коснаго
Моей обезображенной зари!

2.

Средь снѣговъ, дыша тоской и дымомъ,
Въ каменныхъ лохмотьяхъ, скроенныхъ вчера,
Мы, туземцы опрокинутаго Рима,
Ищемъ хлѣба кусъ и мѣсто у костра.
Революція, трудны твои уставы!
Схиму новую познали мы:
Нищихъ духомъ, роковую правду,
И косноязычные псалмы.
Что жъ ты, сердце, тщишься вызвать къ жизни,
Юные года въ міру:
Средь огней Парижа, голубыхъ и сизыхъ
Запахъ ландыша и пламень смуглыхъ рукъ,
Флорентійскихъ башенъ камень теплый въ
полдень,
Розовый, какъ рощъ окрестъ миндаль.
О, помедли, колесница солнца,
Ибо въ радости твоей печаль!
Но несутся огненные кони...
Въ эти скудные томительные дни
Я благословляю смерть въ родимомъ домѣ,
И въ рукахъ пришельцевъ головни.
Есть величье въ бѣгѣ звѣздъ и истинъ,
На востокъ великій караванъ плыветъ,
И одинъ отставшій, вспомнивъ прежнихъ рощъ
пріютъ тѣнистый,
На минуту медлитъ, а потомъ идетъ впередъ.

3.

Провижу грозный городъ — улей,
Стекло и сталь безликихъ сотъ,
И умудренный трудъ, и карнавалъ средь
гулкихъ улицъ
Похожій на военный смотръ,
На пустыри мои уже ложатся тѣни,
Спиралей и винтовъ иныхъ временъ.
Такъ вотъ оно — ярмо великаго равненья,
И рая новаго бетонъ!
Припомнивъ прежнихъ дней уютъ размытый,
Души былой пѣвучій строй и ходъ,
Какой-нибудь Евгеній снова возмутится
И каменнаго истукана проклянетъ,
Усмѣшку глазъ и ликъ монгольскій,
И этотъ трезвенный восторгъ,
Поправшаго змѣи златыя кольца
Копытами неисчислимыхъ ордъ.
Дитя, прочти о нашихъ дняхъ кровавыхъ,
Ихъ было много, и въ горячечномъ бреду,
Они не разъ пытались выхватить изъ рукъ
корявыхъ
Желѣзную узду.
Гдѣ сѣчи шли, гдѣ дѣды умирали
На бархатѣ покоится музейная змѣя,
Погладь ее — она уже не жалитъ
Копыта опустившаго коня.

4.

Кому предамъ прозрѣнья этой книги?
Мой вѣкъ среди растущихъ водъ
Земли ужъ близкой не увидитъ,
Масличной вѣтви не пойметъ.
Ревнивое встаетъ надъ міромъ утро,
И эти годы не разноязычій сѣчь,
Но только трудъ кровавой повитухи,
Пришедшей, чтобъ дитя отъ матери отсѣчь.
Да будетъ такъ! Отъ этихъ дней безлюбыхъ,
Кидаю я въ вѣка пѣвучій мостъ,
Концомъ другимъ онъ обопрется о винты и кубы,
Очеловѣченныхъ машинъ и звѣздъ.
Какъ полдень золотого вѣка будетъ свѣтелъ,
Какъ небо возсинѣетъ послѣ злой грозы,
И претворятся соки варварской лозы,
Въ прозрачное вино тысячелѣтій.
И нѣкій человѣкъ, въ тѣни книгохранилищъ,
Прочтетъ мои стихи, какъ ихъ читали встарь,
Услышитъ ѣдкій запахъ сѣдины и пыли,
Заглянетъ можетъ быть въ словарь.
Средь мишуры былой и словъ убогихъ,
Средь лѣтописи давнихъ смутъ,
Увидитъ человѣка, умирающаго на порогѣ,
Съ лицомъ повернутымъ къ нему.

5.

О проще возвести невиданныя пирамиды,
Чѣмъ малую свободу взять на рамена!
Неотразимо искушеніе легчайшимъ игомъ,
И золотая цѣпь нѣжна.
Кто крови счетъ ведетъ пролитой?
Безликій міръ — не я, не я!..
Твой поцѣлуй, Великій Инквизиторъ,
Запечатлѣнъ на русскихъ пустыряхъ.
И снова міръ и снова Римъ,
И снова горделивый зодчій,
Величьемъ камня одержимъ,
Былинку маленькую топчетъ.
Но вѣрь, въ пустыхъ очахъ младенца,
Огонь похищенный живетъ,
И смольный факелъ, врытый въ землю,
Двойнымъ горѣніемъ встаетъ.

6.

Какая жалкая разсада,
Въ младенчествѣ уже опалена,
И тщетно скудоумный виноградарь,
Чаны готовитъ для вина.
Еще не разъ гремя побѣдной мѣдью,
Пройдетъ по пустырямъ Россіи смерть,
Не этотъ заржавѣлый серпъ,
Сберетъ великое наслѣдье.
Блаженъ кто въ хроникѣ убогой,
Узрѣетъ нѣкій дивный мифъ,
Въ уродцѣ — титаническій прообразъ,
Атласа подпирающаго міръ,
Я вижу ночь, и тѣнь мою, и горе.
Забылъ любви слова и мѣру мѣръ.
Онъ далъ уста — молить и спорить,
Но наложилъ на нихъ тяжелый перстъ.
Простите мнѣ разноголосье сновъ,
Простите звонкія стекляшки слезы,
И этотъ неувѣренный, почти неслышный
возгласъ,
Одинъ, въ ночи, до первыхъ пѣтуховъ.

Москва 1921.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.7081 EH8P C001
Poeìziìia¡ revoliu¡ts¡ionnoiì Moskvy
3 0112 093345319